

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 4

ЗЧМД

2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 31

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Махабхарата. Книга XII «Шантипарва» («Книга об умиротворении»). Главы 1–7.
Предисловие, перевод с санскрита, комментарии *С.Л. Невелевой* **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- В.М. Рыбаков.* Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае.
Часть 2. Водный транспорт, обиход и выезд, хищение державных предметов, порча и потеря **23**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.Н. Медведская, М.А.-К. Дандамаев.* Мидия и мидийцы в клинописных источниках:
имена и события **36**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин.* Некоторые материалы по тибетологии из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН.
Часть 2. Материалы к изданию трудов А.И. Вострикова и Ф.И. Щербатского **48**

- М.И. Тубянский.* Буддийская тантрическая традиция в Индии. Предисловие, публикация,
комментарии *Е.П. Островской* **61**

- Письмо из Монголии А.М. Позднеева. Предисловие, публикация,
примечания *Т.В. Ермаковой* **79**

- В.В. Емельянов.* Неопубликованные работы В.К. Шилейко **89**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю.А. Иоаннесян.* Ежегодная иранистическая конференция памяти О.Ф. Акимушкина
(Санкт-Петербург, 17 февраля 2017 г.) **111**

- О.М. Чуякова.* Фрейманские чтения–2017 (Санкт-Петербург, 24 мая 2017 г.) **117**

- Т.В. Ермакова.* Городская конференция «Актуальные проблемы
буддологических исследований-3» (Санкт-Петербург, 14 июня 2017 г.) **122**

- Л.И. Крякина.* VII Международный научно-практический семинар «Лики памяти.
Новейшие технологии сохранения и восстановления рукописного и печатного наследия»
(Ереван, Матенадаран, 26–29 сентября 2017 г.) **125**

РЕЦЕНЗИИ

- Zare Yusupova.* The Kurdish Dialect Gorani. A Grammatical Description. — Saarbrücken:
Lambert Academic Publishing, 2017. — 134 p. (*Ю.А. Иоаннесян*) **131**

- Штейнер Е.С.* Манга Хокусая: энциклопедия старой японской жизни в картинках.
Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2016. — 4 тт. — 1 т.:
Вступление, комментарии, указатели, 218 с.; 2–4 тт.: иллюстрации, без пагинации
(*А.А. Долин*) **134**

ИНДЕКС ППВ

- Т.А. Пан.* Содержание журнала «Письменные памятники Востока».
№ 2 (вып. 21), 2014 — Том 14, № 3 (вып. 30), 2017 **139**

IN MEMORIAM

- Дандамаев Магомед Абдул-Кадырович (*И.Н. Медведская*) **150**

На четвертой сторонке обложки:
Миниатюра из персидского альбома XVII–XVIII вв., коллекция ИВР РАН, шифр Е 28.

М.И. Тубянский

Буддийская тантрическая традиция в Индии*Предисловие, публикация, комментарии*

Е.П. Островской

Институт восточных рукописей РАН

Впервые публикуемый фрагмент из неизвестного прежде труда востоковеда-индианиста, представителя Санкт-Петербургской буддологической школы Михаила Израилевича Тубянского (1893–1937) посвящен истории *ваджраяны* — тантрического направления в буддизме. По своей проблематике это исследование соответствует программе изучения буддизма, разработанной в конце 1920-х годов С.Ф. Ольденбургем и Ф.И. Щербатским при непосредственном участии М.И. Тубянского. Выполненное в 1937 г., оно вызывает научный интерес как первый в отечественной буддологии опыт комплексного изучения *ваджраяны* по санскритским и тибетским источникам. Публикуемый фрагмент извлечен из авторской рукописи (28 л., без первого листа и заглавия), хранящейся в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 34).

Ключевые слова: архив, рукопись, М.И. Тубянский, буддизм, *ваджраяна*, тантра, буддийская тантрическая традиция.

Статья поступила в редакцию 29.07.2017.

Островская Елена Петровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ost-alex@yandex.ru).

© Островская Е.П., 2017

В ноябре 2017 г. исполнилось 80 лет со дня трагической гибели Михаила Израилевича Тубянского (1893–1937), востоковеда-индианиста, ученика акад. Ф.И. Щербатского. За 18 лет работы в науке, девять из которых были проведены в Монголии, М.И. Тубянский проявил себя как исключительно разносторонний ученый. Лингвист-полиглот, он исследовал буддийские письменные источники на санскрите, тибетском, китайском и монгольском языках. В области новоиндийской филологии он заложил основы отечественной бенгалистики. В содружестве с учеными Монголии М.И. Тубянский участвовал в составлении тибето-монгольского словаря и словаря-справочника по тибетской медицине. Его перу принадлежат крупные статьи, характеризующие номадический тип традиционного хозяйственного уклада монголов.

Вниманию читателя предлагается фрагмент из хранящегося в АВ ИВР РАН неизвестного прежде труда М.И. Тубянского об истории *ваджраяны* — тантрического направления в буддизме¹. По своей тематике этот труд соответствовал программе

¹ Тантрическое направление буддизма нередко называют «эзотерическим», поскольку практиковавшие его последователями ритуалы, в том числе ритуальные сексуальные соития, считались «тайными» и передавались по линиям преемственности путем инициаций.

буддийских школ и направлений, разработанной в 1927 г. академиками С.Ф. Ольденбургом (1863–1934) и Ф.И. Щербатским (1866–1942) при участии М.И. Тубянского как перспективный план деятельности Института буддийской культуры АН СССР (Ольденбург, Щербатской, Тубянский 1927: 1701–1704). К написанию труда о *ваджраяне* М.И. Тубянский приступил весной 1937 г., будучи зачислен после возвращения из Монголии в штат ИВ АН СССР. Однако в августе он был арестован по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии. К тому времени ученый успел тематически завершить лишь рассмотрение буддийской тантрической традиции в Индии.

К изучению *ваджраяны* М.И. Тубянский подошел не только как ученик Ф.И. Щербатского, заинтересованный в раскрытии философского содержания тантрического буддизма, но и как идейный последователь С.Ф. Ольденбурга, уделявшего пристальное внимание социально-антропологическому осмыслению религиозных культов Индии. В своем неоконченном исследовании он рельефно выявил гендерный аспект тантрической традиции, в частности, вклад женщин-поэтов в ее развитие. В изучении данного аспекта М.И. Тубянский намного опередил буддологию своего времени².

Ученый был убежден, что тантрические тайные ритуалы и экстатические практики возникли не вследствие социокультурной деградации буддизма, как полагали в то время многие зарубежные исследователи. *Ваджраяна*, как он отмечал, последовательно воплотила провозглашенный идеологами Махаяны принцип социорелигиозной всеобщности, объединив в обширном кругу своих последователей выходцев из аристократических семейств и низших каст средневекового индийского социума. Апеллируя к сакральным жизнеописаниям, М.И. Тубянский показал, что женщины в *ваджраяне* выступали субъектами религиозного опыта наравне с мужчинами, а тот факт, что тантрические тексты передавались по мужской линии, не исключал роли женщин как духовных учителей.

Публикуемый ниже фрагмент этого труда извлечен из автографа (28 л. без первого листа и заглавия), выполненного черными чернилами на несброшюрованных листах нелинованной бумаги форматом 21,6×34,5 см. Характерный почерк М.И. Тубянского идентифицируется без сомнения. Ссылочный аппарат инкорпорирован в текст в виде нерасшифрованного и неунифицированного полукода. Какие-либо примечания отсутствуют. Текст делится на озаглавленные параграфы. Заголовки и целый ряд слов в автографе подчеркнуты.

При подготовке фрагмента к публикации текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Кириллические транскрипции санскритских терминов, имеющие разночтения, унифицированы. Названия тибетских произведений, упоминаемых М.И. Тубянским в кириллической транскрипции, отождествлены ученым-тибетологом А.В. Зориным, старшим научным сотрудником Отдела рукописей и документов ИВР РАН.

Фрагмент публикуется впервые.

² Первая зарубежная работа, посвященная гендерному аспекту *ваджраяны*, написанная профессором Принстонского университета М. Шо, была опубликована в 1994 г. (Shaw 1994).

<Буддийская тантрическая традиция в Индии>**<л. 7> § 5. Хинаяна и Махаяна³**

Мы уже упоминали, что ходячие представления о буддизме основаны на аскетической фазе буддизма⁴. Иначе она называется Хинаяной и представляет древнейшую известную форму буддизма. Ее основные черты состоят в провозглашении строгого воздержания монахов от гетеросексуального общения, отказе от стяжания, в общинном устройстве монастырской жизни согласно уставам Винаи; в системе упражнений в созерцании, в видах обуздания страстей; в философии радикального атомизма и плюрализма; в разработке типа святого — «архата» и т.д. Эта хинаянская форма буддизма лучше всего была известна в Европе, потому что сохранилась на Цейлоне, и была поэтому, со времени проникновения туда колонизаторов-англичан, наиболее доступна для изучения (язык пали). Но говорить о буддизме в этом смысле было бы то же самое, что, говоря о христианстве, ограничиваться христианством I века и не упомянуть ни о католицизме, ни о протестантизме и т.д. Буддизм как мировая религия есть не Хинаяна, а Махаяна, и каковы бы ни были исторические связи между Хинаяной и Махаяной, различие между ними для всех практических целей гораздо больше, чем их взаимное родство, так что можно смело говорить здесь о двух различных религиях. В самом деле, Махаяна не отменяет монашества, но резко изменяет его содержание и выдвигает новый тип святого — «бодхисаттву»⁵. Так, например, с точки зрения Пратимокши (Винаи) Шраваков⁶ (ведущая секта Хинаяны) <л. 8> для bhikṣu (гелон'а)⁷ принимать золото или серебро запретно, тогда как для bhikṣu-бодхисаттвы, если это делается для блага других, нет греха. Шравака даже ради блага других не вправе совершить совокупления, в Махаяне же, если это для блага других, не составляет греха («Дом-сум-раб'е»⁸ Сакья-пандиты⁹, дергеское изд. с. 4а). И далее: «большую часть так называемые добродетели шравака суть грехи для бодхисаттвы, и добродетели бодхисаттвы — грехи для шравака... Наслаждение пятью объектами чувств при наличии мудрости и альтруизма есть великая добродетель для бодхисаттв, но грех с точки зрения шраваков. Даже совершение четырех капитальных грехов („параджика“, т.е. совокупление, кража, убийство и самовозвеличивание), со-

³ Здесь и далее подчеркивание принадлежит М.И. Тубьянскому.

⁴ Дальнейшие исследования показали, что письменная фиксация текстов хинаянского направления (канона южной школы *тхеравада* на языке пали) и одного из ранних махаянских произведений — «Аштасакхасрика Праджня-парамита-сутры» началась в I в. до н.э. И хотя ваджраянское направление выделилось позднее, предположительно в IV–V вв., прежние школы продолжали существовать и развиваться.

⁵ Бодхисаттва («существо, [стремящееся] к просветлению») как тип святого признавался и в традиции хинаянских школ. В махаянском направлении, провозгласившем возможность обретения просветления не только монахами, но и мирянами, последним разрешалось принятие обетов бодхисаттвы.

⁶ Санскритским термином «шравака» (букв. «слушатель») первоначально обозначались прямые ученики Будды Шакьямуни, воспринявшие учение из его уст. В дальнейшем шраваками именовались те монашествующие последователи буддизма, которые в своей религиозной практике стремились к достижению архатства. М.И. Тубьянский, говоря о шраваках как «ведущей секте Хинаяны», вероятно, имел в виду школу *муласарвастиваду*, которая располагала собственной санскритской версией канона, в частности Винаи — собрания религиозно-дисциплинарных наставлений.

⁷ Санскритский и тибетский термины, обозначающие монашеский статус.

⁸ «Дом-сум-раб'е» = *sdom gsum rab dbye*; полное название: *sdom pa gsum gyi rab tu dbye ba'i bstan bcos*.

⁹ Сакья-пандита (1182–1251) — четвертый иерарх тибетской буддийской школы сакьяпа, патронировавшейся аристократическим родом Кхон из местности Сакья (в дальнейшем — род Сакья).

вершаемое в определенно альтруистических целях, есть для бодхисаттвы добродетель, но грех для шраваков» (там же, с. 96).

Такова этическая реформа Махаяны: вводится относительность оценок, отменяются вообще всякие моральные запреты, и «ради блага живых существ», т.е. в видах оказания им непосредственной помощи в страданиях и духовной помощи — наставления их на путь Будды — допускается все. И в теоретической области вводится такая же относительность всего: все вещи, взятые сами по себе, по природе пусты¹⁰, единственная истина — пустота, не только всякие обыденные предметы, но и весь мир, вернее, два мира — сансары (страдания) и нирваны (блаженства) не существуют независимо, а представляют одно и то же, лишь с разных точек зрения; точно так же и Будда не существует сам по себе; идея относительности доводится последовательно до конца.

Наконец, в религиозной догматике в тесном смысле слова Махаяна вводит вместо хинаянического святого — архата, заботящегося только о себе, о своем личном спасении, учение об альтруистическом святом — о бодхисаттве, который силою своего обета: «стать Буддой для блага живых существ» якобы приобретает целый ряд сверхчеловеческих свойств, используемых им опять-таки для той же цели. Стать Буддой можно, по этому учению, практикуя созерцание и размышление в целях постижения идеи «пустоты». Для этого изобретена опять-таки целая система упражнений в созерцании (йога, шамата) и размышлении (випашьяна), причем первое включает теорию внимания, направленного на благие объекты и ведущего к очищению и усовершенствованию мысли, а второе — собственно философию относительности и постижения пустоты. Эти упражнения требуют громадных усилий и постоянных повторений в течение не одной, а многих жизней — перерождений.

<л. 9> Эта радикальная реформа, вернее, введение новой философии и этики Махаяны, индийской традицией единогласно приурочивается к имени учителя Нагарджуны¹¹, жившего примерно в эпоху кушанского царя Канишки, — годы царствования Канишки — около 120–160 нашей эры (V. Smith)¹². От Нагарджуны сохранился по-санскритски, а частью в китайских и тибетских переводах ряд сочинений, излагающих, помимо резкой полемики против Хинаяны, взгляды основанной им философской системы мадхьямиков, направление которой вкратце отмечено нами выше. В дальнейшем на индийской почве наиболее видными продолжателями Нагарджуны были такие авторы, как Арьядева (III в.)¹³, Чандракирти

¹⁰ Учение о пустоте (санскр. *шуньята*) выступает в буддизме одним из аспектов базовой концепции *анатмавады*, контраргументирующей реальность субстанциального «Я» — Атмана (души) брахманистских (индуистских) религиозно-философских систем. В махаянских школах, в частности в *мадхьямаке*, учение о пустоте получило преимущественное развитие. Ф.И. Щербатской предложил интерпретировать санскритские термины «шуньята» («пустота») и «шунья» («пустой») как «относительность» и «относительный». М.И. Тубянский строит свои рассуждения в соответствии с данной интерпретацией.

¹¹ Нагарджуна (I–II вв.) — буддийский мыслитель, автор стихотворного трактата «Мула-мадхьямака-карик», положившего начало традиции *мадхьямака*. Нагарджуне приписывается также целый ряд произведений, значительно различающихся по стилистике, понятийно-терминологическому аппарату и содержанию. Наряду с ним в буддийских источниках упоминается тантрик и алхимик Нагарджуна, деятельность которого развернулась предположительно на 500 лет позднее составления «Мула-мадхьямака-карик». В настоящее время большинство ученых-буддологов полагают, что имя Нагарджуна в истории буддизма носили несколько персоналий.

¹² По-видимому, имеется в виду издание: *Smith V. The Early History of India*. Oxford, 1924.

¹³ Арьядева (III в.) — основоположник школы *мадхьямака-прасангика*, радикальной субтрадиции *мадхьямаки*, развившей метод негативной диалектики.

(VI в.)¹⁴, Шантидева (VII в.)¹⁵ и др.; в Тибете наиболее выдающимся автором в этой области и комментатором Нагарджуны является Цзонхава (XIV–XV вв.)¹⁶. Далее на почве Махаяны возникло, как известно, еще и философское учение йогачаров, основанное Асангой (IV в. н.э.)¹⁷. Система Махаяны вообще и мадхьямиков в особенности создала идеологические предпосылки для развития тантризма.

<л. 10> § 6. Основной догмат тантризма

По поводу того, что такое тантризм, в европейской научной литературе наблюдается известная разногласица; большей частью принято было считать, как выражается Кром, что он представляет собою «смесь дикой демонологии с мрачными магическими приемами» (Vorobudur, том II, 1927, с. 327)¹⁸. Это мнение, весьма распространенное до сих пор, отражает в своей односторонности, помимо незнакомства с тантризмом, еще и полемику против него со стороны христианских миссионеров в Индии. В более умеренной форме эти общепринятые взгляды выражает Керн. По его словам, тантризм тесно связан с колдовством и «относится к последнему как теория к практике». Далее, по его словам, «буддийские тантры учат своих адептов тому, как сверхъестественным путем получить желаемые предметы то ли материального характера — вроде эликсира долговечности, неуязвимости, невидимости, алхимии, — то ли более духовного характера — как то: силы вызывать Будду или бодхисаттву, чтобы разрешить какое-нибудь сомнение, или же способности достичь в этой жизни единения с каким-нибудь божеством» (Manual of Indian Buddhism, с. 133)¹⁹. Аналогично и Бхаттачарья²⁰. Но если разногласица и сбивчивость суждений в европейской литературе объясняется в значительной степени скудостью материала, то в самой буддийской литературе мы встретимся также с большой разногласицею по противоположной причине — из-за предметного богатства и разнообразия материала и подходов к нему. Так, например, в буддийской литературе по вопросу о том, чем отличается тантризм от обычного (сутрического) буддизма, встречались взгляды: а) что тантризм отличается применением специальных словесных формул — дхарани²¹ и мантр²², б) или применением так называемых

¹⁴ Чандракирти (ок. VII в.) — видный представитель *мадхьямака-прасангики*, автор трактата «Мадхьямака-аватара», по которому начиная с XIV в. *мадхьямака* изучалась в буддийских монастырях-университетах Тибета.

¹⁵ Шантидева (VIII в.) — автор трактата махаянского направления «Бодхисаттва-чарита-аватара», посвященного разъяснению пути бодхисаттвы. Данное произведение пользовалось особым авторитетом в Тибете и Монголии.

¹⁶ Чже Цзонхава (Цонкапа, 1357–1419) — реформатор системы буддийского образования в Тибете, создатель школы гелугпа, религиозным главой которой является ныне Далай-лама XIV; автор фундаментальных трактатов «Лам-рим ченмо» и «Аgrim ченмо».

¹⁷ Асанга (IV–V вв.) — буддийский мыслитель, считающийся в традиции учеником бодхисаттвы Майтреи (Будды грядущей эпохи), от которого в виде устного наставления получил (и письменно зафиксировал) пять трактатов, положенных в основу воззрений махаянской школы *йогачара*.

¹⁸ По-видимому, имеется в виду издание: Krom N.J. Vorobudur. Archaeological Description. The Hague, 1927. Vol. I–II.

¹⁹ Имеется в виду издание: Kern H. Manual of Indian Buddhism. Strasburg, 1896.

²⁰ По всей вероятности, имеется в виду Бхаттачарья Бенейтош, автор книги “An Introduction to Buddhist Esoterism”. См. примеч. 32.

²¹ *Дхарани* — сакральные формулы-заклинания.

²² *Мантры* — сакральные словесные формулы и слого-фонемы.

«мандал»²³ — «магических кругов»; в) или присоединением в созерцании особого переживания блаженства и т.д. (Риг-най-гун-шэ, с. 306–31а)²⁴.

<л. 11> Все эти определения частично верны, но в то же время бьют мимо цели, как и цитированные европейские мнения, так как не охватывают центрального догматического пункта буддийского тантризма, а именно содержащегося в нем нового метода созерцания пустоты в связи с учением Махаяны. Дело в том, что для того, чтобы стать Буддой, по Махаяне требуется, как сказано выше, постижение пустоты. Но это — дело трудное и достижимое лишь в ряде перерождений.

Новый способ постижения пустоты состоит в том, чтобы, полностью сохраняя всю психологическую и философскую нацеленность мысли на этот трудно уловимый предмет, постигнуть его сразу уже не мыслью, а ощущением, вплотную, когда вследствие интенсивного наслаждения, испытываемого при совокуплении, сознание исключается и пустота переживается слитно-нераздельными в это время душой и телом. По словам Дагцан-лоцзавы²⁵, тантризм отличается от сутризма «непосредственным переживанием пустоты в телесном ощущении как основным содержанием своего пути» («Ригмэй-гуниэ», с. 316,1)²⁶. Причем в этом переживании пустоты, по словам Цзонхавы, безусловно играет роль субъекта, а пустота — роль объекта (Рим-ца, 54б)²⁷. Поэтому все вещи предстают в этот момент как состоящие из «нераздельных блаженства и пустоты» (там же). В этом последняя истина, и конкретное переживание ее приводит к достижению состояния Будды в течение этой жизни. В этом и состоит основной тезис тантризма.

Из многих выводов, к которым приводит этот тезис, остановимся сначала только на одном: этот тезис приводит к новому осмыслению эротики, к ее признанию и включению в арсенал религиозно не только дозволенного, но рекомендуемого. Это показывает сразу же, какие громадные последствия этот тезис должен был иметь для всего содержания буддизма, буддийской этики и созерцания. Страсти вообще, и в первую очередь сладострастие, всегда рассматривались буддизмом как пороки (*kleṣa*), как основное препятствие на пути к Нирване, как главный враг, олицетворяемый в образе Мары²⁸ — «князя мира сего». Но здесь мы видим, что главная из страстей (по хинаянистическому пониманию вообще и по Винае в особенности) — сладострастие — оказывается, вдруг нужно «для дела спасения живых существ», что из нее может быть извлечена с точки зрения этого основного догмата тантризма столь великая польза, как становление Буддой. Та радикальная переоценка всех ценностей, которая с этим тезисом связана, выяснится в последующем изложении. При этом надо еще подчеркнуть, что, как это было и в Махаяне, все новые и разрушительные для Хинаяны идеи приписывались тантризмом в порядке богословского «исправления истории» не кому иному, как Будде Шакьямуни.

²³ *Мандала* — сакральное плоскостное или трехмерное изображение буддийской вселенной (космограмма) как психокосма, что соответствует в практике созерцания *мандалы* отождествлению с теми состояниями сознания, которые свойственны мифическим обитателям различных ярусов мироздания.

²⁴ «Риг-най-гун-шэ» = *rig gnas kun shes*; полное название: *rig gnas kun shes nas bdag med grub pa zhes bya ba'i bstan bcos*. Автор: Такцанг-лоцава (у Тубянского: Дагцан-лоцзава) Шейрап Ринчен (*shes rab rin chen*).

²⁵ Дагцан-лоцзава (Такцанг-лоцава, 1405–?) — тибетский буддийский ученый-переводчик, представитель школы сакьяпа, историограф аристократического рода Кхон (Сакья).

²⁶ «Ригмэй-гуниэ» — в тексте: «Ригнэй-гуншэ»; то же самое, что выше, но написано немного по-другому.

²⁷ «Рим-ца» — в тексте: «рим-на» = *rim lnga* (полное название: *rgyud kyi rgyal po dpal gsang ba 'dus pa'i man ngag rim pa lnga rab tu gsal ba'i sgron me* — Комментарий Цонкапы к «Гухьясамадже»).

²⁸ Мара — буддийская мифологическая персонификация зла.

<л. 12> § 7. Происхождение тантризма

Тантризм — система чрезвычайно сложная, сложная с самого начала, и различные составные части его имеют разное историческое и социальное происхождение; отдельных моментов мы коснемся ниже; но, говоря о происхождении тантризма, необходимо прежде всего решить вопрос о происхождении этого центрального догмата тантризма, который и сделал тантризм крупной религиозной системой. Первые условия для решения этого вопроса — кто и когда? Здесь мы сразу попадаем в область (едва ли не безнадежно) запутанной хронологии и преемственности тантрических учителей. Индо-тибетская традиция, при всех имеющихся в ней разногласиях и недопониманиях, согласно ставит, однако, во главе списков тантриков два имени: Сараха и Нагарджуна (Таранатха, пер. Шифнера²⁹, с. 67; Сумба-чойнчжун 87а³⁰ называет перед именем Сарахи еще имена двух непосредственно предшествующих авторов: Гухьяшила и Хаяпала), причем Сараха фигурирует как учитель Нагарджуны. (Несмотря на это, в ряде современных статей все еще фигурирует как основатель тантризма Асанга на основании одного места у Таранатхи [с. 201]³¹, неправильно понятого Керном.) Теперь спрашивается, какой это Нагарджуна, тот ли самый, который является основателем учения мадхьямаки и тем самым и Махаяны, или какой-нибудь другой одноименный автор? Для большинства писавших на эту тему кажется само собою разумеющимся, что автор философии мадхьямаки не мог (Bhattacharya, Esoterism, с. 67)³² быть тантриком, т.е. поддерживать учение, считавшееся не чем иным, как «дикой демонологией», а раз так, то для решения этого вопроса воспользоваться хронологически уже установленной датой философа Нагарджуны невозможно, для хронологии приходится искать других оснований. Это и делает Бинойтош Бхаттачарья в своем “Buddhist Esoterism” (1932) и приходит к выводу, <л. 13> что Сараху и Нагарджуну надо отнести к VII веку нашей эры — к эпохе, которая, по единодушному мнению христианских миссионеров и их стыдливых индийских подголосков, уже заклеяена печатью «упадка буддизма»; этой ценою прежние буддийские учителя «классического» периода очищаются от подозрений в «грубой чувственности», приписываемой тантризму (Бхаттачарья, *Sādhnamalā*, предисловие ко 2-му тому, 1928, с. 30, 32)³³. Не ставя себе подобных «очистительных» задач, мы попробуем решить вопрос иначе, а именно — исходя из сочинений самого Нагарджуны. Правда, ему приписывается великое множество сочинений, относящихся к самым разнообразным отраслям знания, и из них большинство ему, несомненно, не принадлежат, но принадлежность ему четырех од Будде, так называемого «Чатухстава», сомнению не подвергалась (Winternitz, II, 254)³⁴, и эти оды носят на себе все типические черты его стиля. Эти четыре оды ранее известны были только по тибетскому переводу (в составе Данджура, т. I), но тибетский перевод как раз этого сочинения Нагарджуны значительно уступает по качеству переводам его других сочинений, вследствие чего обнаруженный пишушим эти строки в Монголии в 1930 г. санскритский оригинал этого сочинения Нагарджуны мог бы внести много нового в понимание учения этого выдающегося автора, если бы публикация этого санскритского текста не задерживалась

²⁹ Имеется в виду издание: *Schifner A. Tāranātha's Geschichte des Buddhismus in Indien. St. Petersburg, 1889.*

³⁰ «Сумба-чойнчжун» = *sum pa chos 'byung* («История буддизма» Сумпа-кэнпо Еше Пэлчжора).

³¹ Ссылка в [] скобках дана Тубянским по изданию: см. примеч. 29.

³² Имеется в виду издание: *Bhattacharya Benoytosh. An Introduction to Buddhist Esoterism. Calcutta, 1932.*

³³ Имеется в виду издание: *Sādhnamalā / Ed. by Bhattacharya Benoitosh. Vol. I–II. Baroda, 1925–1928.*

³⁴ Имеется в виду издание: *Winternitz M. Geschichte der indischen Literatur. Bd. I–II. Leipzig, 1918.*

Академией Наук с 1932 года, в результате чего приоритет публикации оказался не за советским, а за фашистским индологом Туччи³⁵ (JRAS³⁶, N < > за год, с.). Так вот, во второй из этих четырех од, в так называемой «Нирупама-става», 15-я шлока (станс) гласит следующим образом:

vasanamūlaparyantaḥ kleśas te 'nagha nirjitaḥ/
kleśaprakṛtitaścaiva tvayāmṛtam uparjitam//,

что означает:

вплоть до корня инстинкта преодолены тобою, безгрешный, пороки;
но и из самой природы пороков добыт тобою напиток бессмертия.

(Тибетский перевод дает несколько менее ясный смысл: «вплоть до основного инстинкта преодолены тобою, безгрешный, пороки, но и природа самих пороков превращена тобою в напиток бессмертия».)

<л. 14> Достаточно минимальнейшего знакомства с идеологией тантризма, как она ставилась в основных его трактатах, чтобы сделать из этих слов недвусмысленный вывод, что Нагарджуна, автор системы мадхьямаки, разделяет и идеологию тантризма, так как в первой строке этого двустушия мы имеем формулировку позиции Хинаяны, а во второй, в противовес Хинаяне, как высшая ступень достижения формулируется позиция тантризма, где «напиток бессмертия» — поэтическое выражение для тех результатов, которые, по тантризму, получаются из страстей, если они надлежаще применяются. Мало того, даже самое сопоставление хинаянического и тантрического принципов является, как мы увидим ниже, типичным для тантрической апологетики, для «согласования» этих обоих принципов как двух последовательных ступеней — низшей и высшей. Но затем зададим себе вопрос: а) могло ли это действительно быть так, что Нагарджуна, автор мадхьямаки, был в то же время тантриком? и если да, то б) почему это настолько мало могло отразиться в его основных философских сочинениях, что приходится с трудом разыскивать в них две строчки, свидетельствующие о его тантрических убеждениях?

§ 8. Тантризм и Махаяна

Итак, прежде всего: каково взаимоотношение основных признаков Махаяны с одной стороны и тантризма с другой? Мы выше видели, что с этической стороны Махаяна расторгает узкие пределы этики Хинаяны и объявляет для принявших обет бодхисаттвы относительность этики, свободу действий, включая нарушение винаических правил воздержания. В этом пункте Махаяна дает прямое обоснование тантризму, требующему использования страстей. Условие, которое ставит при этом Махаяна, полностью удовлетворяется в тантрическом догмате, поскольку целью является для тантризма достижение ступени Будды ради блага всех живых существ (Гаясан-иг, т. II, с. 56;³⁷ Тубдан-шидор, 108а)³⁸. «Пустота», являющаяся основным фило-

³⁵ Дж. Туччи (1894–1984) — выдающийся итальянский ученый-буддолог (источниковед, археолог, палеограф), основатель нескольких научно-издательских серий. Звание академика Академии Италии ему было присвоено в годы фашизма. Санскритский оригинал «Чатухставы» Туччи обнаружил в ходе одной из своих экспедиций в Тибет, в монастыре Нгор, близ г. Шигадзе.

³⁶ Принятая аббревиатура названия периодического издания: The Journal of the Royal Asiatic Society.

³⁷ «Гая-сан-иг» — в тексте: «Яя-сан-иг» = dzā ya gsan yig. Вероятно, имеется в виду текст: shākyā'i btsun pa blo bzang 'phrin las kyi zab pa dang rgya che ba'i dam pa'i chos kyi thob yig gsal ba'i me long.

³⁸ «Тубдан-шидор» — в тексте: Тубдан-цидор = thub bstan byi dor; вероятно, имеется в виду текст: sdom pa gsum gyi nam gzahg thub bstan byi dor, автор Дэлэк Пэлсанг (bde legs dpal bzang, 1385–1438).

софским мистическим понятием Махаяны, получает со стороны тантризма новое конкретное <л. 15> толкование, причем тантризм дополняет принципы созерцания пустоты новым приемом; тогда как для тантризма понятие пустоты, обоснованное в философии мадхьямаки, является нужным ему объектом его особого, нового вида «созерцания», совершаемого при участии партнера другого пола. В Махаяне цель стать Буддой требует многих перерождений и громадных усилий (путь этот изложен в литературе «Праджня-парамит», особенно же в «Абхисама-аланкаре» Майтреи и Асанги, впервые напечатанном в Ленинграде в 1929 г.)³⁹, в тантризме же — достаточно для достижения этой цели одной жизни, благодаря чему привлекательность Махаяны должна при таком добавлении значительно увеличиться в глазах ее сторонников. Из всего этого мы видим, что между Махаяной и тантризмом не только нет расхождений, но что они превосходно дополняют друг друга и, мало того, представляют, в сущности, две части одной и той же доктрины. Это и признается в буддийской литературе, поскольку в ней обычно тантризм не выделяется отдельно, а включается в Махаяну как ее составная часть. Но отсюда видно, что и говорить о несовместимости мадхьямаки и тантризма в мышлении Нагарджуны также нет никаких оснований.

§ 9. Эзотерический характер тантризма

Рассмотрим литературу обеих отраслей Махаяны — так называемую сутрическую, или литературу парамит, с одной стороны, и литературу тантр — с другой. Мы замечаем такую особенность: их тесную взаимосвязь, только что отмеченную, мы не избрели; она широко и подробно излагается в махаянических трактатах, но только в тантрических; в трактатах сутрических же не только об этой взаимосвязи, но и вообще о принципах тантризма, как правило, почти ничего нельзя найти: вот почему приведенная нами выше 15-я шлока «Нирупама-ставы» Нагарджуны является не только редкостью, но и ценной редкостью, так как подтверждает эту связь с сутрической стороны. Это же является особенностью Нагарджуны; так, например, знаменитый его комментатор Чандракирти в своих сутрических сочинениях умалчивает о тантризме, хотя сам является известным тантрическим автором. Эта же традиция перешла и в тибетскую литературу: целостных изложений догматики ламаизма мы почти не обнаружили, и Цзонхава <л. 16> посвятил сутрическому буддизму один трактат — «Ламрим», тантрическому — другой, «Агрим», причем в первом из них о тантризме почти не говорится, тогда как во втором о сутризме говорится как о предпосылке тантризма. Тут дело, однако, не в какой-нибудь литературной традиции; здесь мы наталкиваемся на важнейшую характеристику тантризма: на его тайный, эзотерический характер. С самого же начала буддийского тантризма он не предназначался для открытой проповеди и пропаганды; вступление в эту религию допускалось только после испытания и подготовки ученика, взятия с него клятв о сохранении тайны и т.д.; строжайшими запретами и угрозами на случай их нарушения буквально переполнено большинство тантрических сочинений. Это относится и к внебуддийскому тантризму (Woodroffe, с. 320–1, 376)⁴⁰. Это объясняется стремлением тантриков предохранить себя от компрометации в случае «неправильного»

³⁹ М.И. Тубянский ссылается на издание: *Abhisamayāṅkāra-prajñāparamitā-upadeśa-śāstra*. The work of Bodhisattva Maitreya / Ed., expl. and transl. by Th. Stcherbatsky and E. Obermiller. Leningrad, 1929.

⁴⁰ По-видимому, имеется в виду издание: *Woodroffe, Sir John [Artur Avakon]*. Shakti and Shākta. Essays and Addresses of the Shākta Tantra-shāstra. Madras, 1929.

применения эротических обрядов и их теории, причем компрометация могла быть не только, так сказать, «моральной», но и юридической; им надо было опасаться не только утери последователей и сторонников во влиятельных господствующих кругах, но и прямых преследований как со стороны хинаянического духовенства, так и со стороны властей (см. ниже). Отсюда понятно, почему в сутрической литературе, хотя бы и сочинявшейся тантриками, мы почти не находим упоминаний о тантризме: его надо было скрывать; поэтому тантрическая идеология всегда излагалась в особых сочинениях, которые были защищены от разглашения тем, что 1) их можно было просто прятать; 2) они писались с применением широко разработанной секретной терминологии, ключ к которой давался только устно. Вот почему и до сих пор чтение тантрической литературы без помощи устной традиции представляет труднопреодолимые препятствия.

Ввиду того, что эти обстоятельства исследователями не учитывались, понятно, что отсутствие в основных философских трудах Нагарджуны упоминаний о тантризме объяснялось так, что Нагарджуна не имел отношения к тантризму; к тому же не было известно, какую связь тантризм через понятие пустоты имеет с системой мадхьямаки. Но раз эта связь известна, и раз из умолчания (вследствие эзотеризма) нельзя делать отрицательных выводов, и раз Нагарджуна сам в «Нирупаме-ставе», так сказать, проговорился, то сейчас отрицать, что Нагарджуна-мадхьямик и Нагарджуна- <л. 17> тантрик — одно лицо, уже невозможно.

§ 10. Происхождение Махаяны

Итак, согласно буддийской традиции (§ 7), первыми крупными тантриками были Сараха и его ученик Нагарджуна. Если мы обратимся теперь к вопросу о возникновении Махаяны, то согласно той же традиции оказывается, что незадолго до Сарахи внезапно произошло распространение Махаяны, связанное со следующими именами: Нанда (Таранатха, с. 62)⁴¹, Авитарка (там же, с. 63); что учеником учителя Авитарки был Рахула (с. 67), т.е. тот же Сараха (Рахула — его имя, а Сараха — прозвище, см. Edelsteinmine, с. 10, 11)⁴², насаждавший учение мадхьямаки (там же), и далее Нагарджуна. Итак, в отношении тантризма, и в отношении Махаяны, и в особенности мадхьямаки, положение обстоит одинаково: сначала идут несколько малоизвестных имен, а затем и Сараха, и Нагарджуна выступают как проповедники и мадхьямаки и тантризма одновременно. Итак, внутренняя связанность мадхьямаки и тантризма, о которой мы говорили выше, подтверждается также исторически и биографически, и мы можем констатировать, что Махаяна, эта в будущем мировая религия, хотя на $\frac{2}{3}$ своего содержания и эзотерическая, основана была, в сущности, именно этими двумя авторами, около II века нашей эры. Второе направление ее на другой философской базе создано было Асангой. Литературная деятельность сторонников новой религии выразилась прежде всего в создании громадного количества разных тантр, приписывавшихся Будде, а по сутрической линии — так называемых парамит. Самому Нагарджуне приписывается отыскание в загадочной стране Нага одной из парамит. Считалось, что все эти сочинения восходят к Будде Шакьямуни, а затем были

⁴¹ См. примеч. 29.

⁴² Вероятно, имеется в виду издание: Edelsteinmine: Tārānātha's Edelsteinmine, das Buch von Vermittlern der sieben Inspirationen. Aus dem Tibetischen übersetzt von A. Grünwedel. 2 Fsc. Pl., 1914 (Bibliotheca Buddhica. XVIII).

утрачены и теперь найдены. Эта <л. 18> довольно примитивная фикция облегчила махаянистам борьбу за новую систему. По словам Таранатхи, в это именно время, во время Сарахи, были найдены, а частью получены наяву от богов (еще более прозрачная формула для авторства) большинство так называемых тантр (с. 67), которые впоследствии официально включены были в махаянический канон и попали также в состав тибетского Ганджура. Рассматривать здесь историю Махаяны не входит в наши задачи, мы ограничимся тантризмом, который был не чем иным, как эзотерической частью учения Махаяны.

§ 11. Оправдание чувственности

Возвращаясь к учению тантризма, основной догмат которого был рассмотрен выше, в § 6. Обнаружение этого принципа, произведенное или самим Сарахой, или его единомышленниками от имени Будды, несмотря на эзотерический характер всего учения, произвело большое впечатление и завоевало новому учению сразу же много разнообразных сторонников, причем естественно, что никакие клятвы не могли удержать ни разглашения, ни различных лжетолкований, что и было высказано Сарахой в следующих словах одной из его песен — речь идет о принципе «слияния блаженства и пустоты»:

В каждом доме об этом говорят,
Но постижения смысла блаженства нет.

(См. Рим-на 566–57а⁴³ с объяснением Цзонхавы). Каковы бы ни были различнейшие толкования «смысла блаженства» и каковы бы ни были и различные извращения (с точки зрения авторов) нового догмата, но он привел к полному отказу от хинаянических принципов аскетизма. Лучше всего этот факт отражен в легенде о царе Индрабхути, который в индийской традиции считается одним из главных столпов тантризма. Время его жизни неизвестно, но дело в легенде, которая сводится к тому, что этот царь, живя в чувственных наслаждениях, захотел, несмотря на <л. 19> это, сделаться буддистом: «Не нужно, Гаутама, спасение мне, живущему в роскошном саду Джамбудвипы, если ради него требуется отказ от наслаждений». Он просил Будду указать средство стать Буддой для чувственных людей; Будда согласился и преподал ему тантру «Гухьясамаджа» («Тайное собрание») (Edelsteinmine, 41⁴⁴; Сандуй-чойнчжун⁴⁵, с. 7а–7б). Фактически публикация этой тантры относится ко времени Сарахи (Таранатха, с. 67)⁴⁶, и об ее направлении можно судить по следующим ее изречениям (гл. VII):

Сколько бы ни следовать аскетическим обетам, не дойдешь до цели,
Но, следуя всем наслаждениям чувств, достигнешь ее вскоре.
Следуя по желанию всем наслаждениям чувств,
Такой практикою скоро станешь Буддой.

Далее мы находим здесь подробные наставления о том, что требуется для этой практики: красивая 16-летняя девушка, уединенное место, «соединение органов»

⁴³ «Рим-на» — в тексте: «рим-на», то же самое что «Рим-ца»; см. примеч. 27.

⁴⁴ См. примеч. 42.

⁴⁵ «Сандуй-чойнчжун» = gsang 'dus chos 'byung («История распространения тантры Гухьясамаджи»); возможно, имеется в виду текст Бутона: gsang ba 'dus pa'i rgyud 'grel gyi bshad thabs kyī yan lag gsang ba'i sgo 'byed.

⁴⁶ См. примеч. 29.

(там же). Комментарии разъясняют, что «мудрость» (vidyā, тиб. ригма, один из условных терминов для обозначения подруги тантриста) должна быть образованна, дисциплинированна⁴⁷ и «хорошо знать Кама-шастру» (Комментарий Цзонхавы к Pradipoddyotana⁴⁸, с. 299a). В пояснение к сему надо сказать, что тантризм окружает свою эротическую практику покровом тайны и оградами клятв; требует подготовки и различных культовых и магических церемоний, придающих ей сакральную торжественность, но самая эротика, чувственное наслаждение при этом не только не преподносится в какой-нибудь стыдливой, скромной форме, а, напротив, требуется максимальное усиление его всеми средствами и изощренными приемами, разработанными в древнеиндийской «технике любви», и мало того, не ограничиваясь этими стандартными методами, тантризм идет еще гораздо дальше и вносит целый ряд новых <л. 20> приемов или вариантов старых (см. напр., «Дуйнхор-чжидон»⁴⁹, с. 250a). Основание для этого заключается все в том же основном догмате: дело в том, что чем сильнее наслаждение, тем полнее достигается цель подлинного переживания пустоты. Чем более сильное наслаждение удастся «взять в путь», т.е. использовать для конечной цели, — тем больше заслуга, но и тем большая требуется подготовка и сила личности, — чтобы не сорваться (см. ниже). Но какой бы сакральностью, какой бы философией, мистикой или магией ни окружали и ни пропитывали тантристы свою практику чувственности, несомненно, что и эта практика, и эта теория в корне меняют отношение к действительности, свойственное прежним формам буддизма, так как здесь речь уже не идет о смирении в этой жизни ради достижения счастья в будущей жизни, речь идет о большем: наслаждении и здесь и там. Так, по словам «Гухья-самаджа» (гл. I), это учение обеспечивает и «достижение чувственных вожделений и спасение». Эта позиция, конкретно раскрытая в тантризме, принципиально достигнута уже в философской, сутрической стороне Махаяны; в знаменитом утверждении Нагарджуны, что между сансарой и Нирваной нет никакого различия. Так мы имеем в тантризме одну характерную для него черту: посюсторонний, земной характер его основной установки. Сколько бы он ни затушевывался, он со всех сторон пробивается, вплоть до лозунга тантриста Анантаваджры, что мир существует «для наслаждения» (sambhogārtham, ср. Sādhnamalā, II, XXXII). Таким образом, мы имеем здесь во всяком случае преодоление исконного буддийского пессимизма.

Чувственность тантризма имеет, с одной стороны, безличный характер; нужна вообще красивая женщина, в среднем от 12 до 25 лет (Г.С.⁵⁰, гл. VII, VIII. К этому надо заметить, что двенадцатилетний возраст в древней Индии считался возрастом половой зрелости. Ср. Арташастра, кн. III, гл. 3). Но с другой стороны, наблюдается и <л. 21> обратное: в биографиях тантриков мы постоянно встречаемся с выбором: такая-то женщина подходит, такая-то — нет. На этой почве происходят и приключения, вроде похищения женщины из гарема и т.д. В биографии знаменитого тантрика Abhayakāra⁵¹ мы встречаем и настоящий роман: некая девушка, которая в

⁴⁷ Определение «дисциплинированна» указывает на принятие и соблюдение тантрических обетов — так называемых «обетов Гухья-самаджа-тантры».

⁴⁸ “Pradipoddyotana” — трактат Чандракирти «Прадиподдийотана», где дается индийская традиционная классификация тантр.

⁴⁹ «Дуйнхор-чжидон» = dus 'khor spyi don; вероятно, имеется в виду текст: dus 'khor spyi don bstan pa'i rgya mtsho, автор Шейрап Ринчен.

⁵⁰ «Гухья-самаджа-тантра».

⁵¹ Жизнеописание тантрика Абхаякары (Abhayakāra) содержится в сочинении Таранатхи; см. примеч. 42.

биографии изображается как фея, трижды приходила к нему в разные моменты его жизни с промежутком в несколько лет, но он, храня воздержание, так и не обратил на нее внимание. Под конец она сказала ему: «Трижды я предлагала тебе „сиддхи“ (т.е. действие, ведущее к цели), но ты не принял меня; лучшее в жизни ты упустил; теперь тебе осталось только писать книги» (Edelsteinmine, 109 и сл.)⁵². (В тибетском переводе сохранился ряд сочинений этого автора.) Здесь мы имеем любовную романтику в стиле чуть не XIX века и, во всяком случае, явное приближение к «индивидуальной любви».

§ 12. Оценка тела в тантризме

Оценка чувственности тесно связана с оценкой тела, вплоть до того, что вообще различие между сутризмом и тантризмом определяется в некоторых буддийских источниках как различие между освящением духа и освящением плоти (Дуйнхорджидон⁵³, с. 451б), а у Васильева⁵⁴ мы встречаем интересное определение тантризма как религиозной физики (136)⁵⁵. Не следует думать, что тело при этом берется в обычном своем виде, как «плоть» вообще. Относительно человеческого тела в тантризме создались специальные теории, фантастические с нашей точки зрения, но «научные» для того времени, хотя и не совпадающие с теориями древнеиндийской медицины, из коих должно вытекать, почему именно тантрическое совокупление приводит к изменению природы тела, к появлению в нем разных магических свойств, — при этом устройство тела сопоставляется <л. 22> с устройством вселенной, микрокосм — с макрокосмом. Это сопоставление особенно широко развито в Калачакра-тантре⁵⁶. Из этой тантрической анатомии и физиологии вытекают и некоторые своеобразные медицинские воззрения, вплоть до фармакологии и т.д. [В связи с этим надо упомянуть, что натурфилософские спекуляции тантриков привели их и к алхимии, и к зачаткам химии, о чем писал Ray, Hindu Chemistry⁵⁷]. Но и более простой и прямой смысл оправдания тела не был заглушен этими спекуляциями; так, особенно в учении тантристки по имени Лакшминкара⁵⁸ мы находим следующие тезисы:

Не бреди о зле; не постись; не совершай обрядов;
 Не надо ни омовений, ни очищений, ни отказа от обычаев мирян;
 Не надо культа богов, сделанных из дерева, камня и глины;
 Всегда сосредоточенно почитай лишь это самое тело.
 (Bhattacharya, Es., 77)⁵⁹.

⁵² См. примеч. 42.

⁵³ «Дуйнхор-джидон» — то же самое, что «Динхор-чжидон». См. примеч. 49.

⁵⁴ Имеется в виду издание: Васильев В.П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение. Ч. 3. История буддизма в Индии. Сочинение Дārānāty / Пер. с тибетского В.П. Васильева. СПб., 1869.

⁵⁵ По видимому, ссылка на страницу труда В.П. Васильева. См. примеч. 54.

⁵⁶ Калачакра-тантра — Тантра круговорота времени; согласно доктрине *калачакры*, макрокосмические и микрокосмические процессы взаимосвязаны, поэтому человек, изменяя себя, изменяет внешний мир.

⁵⁷ Имеется в виду издание: Ray P.C. History of Hindu Chemistry from the Earliest Times to the Middle of the Sixteenth Century A.D. with Sanskrit texts, variation, translation and illustrations. Vols. 1–2. Calcutta, 1903–1909.

⁵⁸ Сведения о Лакшминкаре содержатся в книге Б. Бхаттачарьи “An Introduction to Buddhist Esoterism”. См. примеч. 32.

⁵⁹ См. примеч. 32.

§ 13. Отношение к женщине

В то время как в Винае монах (bhikṣu) должен избегать не только полового, но и всякого общения с женщиной, и, по утверждению тантриков, монашеские обеты унижают женщину (Тубдан-чжидор, 123а)⁶⁰, тантризм считает всякое унижение всякой женщины за один из коренных грехов (см. Хайви-чжуннай⁶¹, часть 6, с. 16б; то же в системе Калачакры, Лондол-сумбум⁶², ч. 5, с. 14а). Но тантризм не ограничивается запретами: так, тантрист Дарика сказал, что «увидев женщину, надо слева трижды обойти ее кругом и воздать ей поклонение» («Агрим»⁶³, нк.⁶⁴ изд., 198а). По слову уже цитированной тантристки Лакшминкары:

Нельзя враждебно относиться к женщине, все равно какой касты;
Каждая женщина — святая Мудрость, условно принявшая форму.

(Ес. 77)⁶⁵. Точно так же в браминском тантризме провозглашается принцип, что «женщины — боги, женщины — жизнь» (Woodroffe, 96)⁶⁶ или: «увидев женщину, почитай ее как учителя» (там же, 271) и т.д.

<л. 24>⁶⁷ § 14. Социальная природа индийского тантризма

К сожалению, замечание К. Маркса, что «индийское общество не имеет... никакой известной истории» (в статье «Будущие результаты британского господства в Индии» от 1853 г., Двухтомник, II, 514), остается верным и поныне; надежно разработанной хорошо документированной социальной истории Индии мы не имеем и до сих пор; но мы имеем теперь по крайней мере ряд подготовительных работ, освещающих отдельные участки этой темы (особенно за последние годы ряд работ индийских авторов, как то Кэткар⁶⁸, Мукудже⁶⁹ и др.). Что касается древней Индии, то работы Фика⁷⁰, Рис-Дэвидса и др., а также такие публикации, как тексты и комментарии к Артхашастре, несмотря на отсталую методику разработки, также дают некоторые опорные пункты. В частности, что касается буддизма, то можно, пожалуй, считать в основном правильной концепцию, изложенную в книге A. Baines, *Ethnography. Castes and tribes* (в *Encyclopaedia of Indo-Aryan Research*, II, 5, 1912)⁷¹, согласно коей судьбы буддизма в Индии неразрывно связаны с судьбами касты кшатриев (с. 30 и след.), причем брамины были одинаково враждебны как буддизму, так и кшатриям. Кшатрии выдвинулись как крупная историческая сила в борьбе против браминов, используя для своей борьбы хинаянический буддизм, но впоследствии брамины

⁶⁰ «Тубдан-чжидор» — то же самое, что «Тубдан-шидор»; см. примеч. 38.

⁶¹ «Хайви-чжуннай» = mkhas pa'i 'byung gnas (словарь «Источник мудрецов»).

⁶² «Лондол-сумбум» = klong rdol gsung 'bum; Сумбум (Собрание текстов) Лонгдол (Лондол)-ламы.

⁶³ «Агрим» = sngags rim; полное название: rgyal ba khyab bdag rdo rje 'chang chen po'i lam gyi rim pa gsang ba kun gyi gnad nam par phyue bargyal ba khyab bdag rdo rje 'chang chen po'i lam gyi rim pa gsang ba kun gyi gnad nam par phyue ba. Автор — Чже Цонкапа.

⁶⁴ Нк. — по-видимому, имеется в виду нартанское издание.

⁶⁵ См. примеч. 32.

⁶⁶ См. примеч. 40.

⁶⁷ Лист 23 либо отсутствует, либо М.И. Тубянский допустил пропуск в нумерации.

⁶⁸ Кэткар — автор упоминаемой М.И. Тубянским ниже книги «History of Caste in India».

⁶⁹ Мукудже — персоналия публикатором не отождествлена.

⁷⁰ Фик — персоналия публикатором не отождествлена.

⁷¹ Имеется в виду публикация: *Bains A. Ethnography. Castes and Tribes / Encyclopaedia of Indo-Aryan Research*. Strasburg, 1912. V. II.

одержали верх, и кшатрии были истреблены, как это правильно указано в индийских «пуранах»⁷². Буддизм тоже был в конце концов истреблен; правда, в этом отношении решающую роль сыграли, по словам В. Смита, уже не брамины и не новая военная аристократия — раджпуты, а мусульмане (Early History of India, 1924, 420)⁷³. <л. 25> При этом буддизм рассматривается, однако, как нечто единое, между тем как примерно в середине его индийской карьеры в нем произошел указанный нами ()⁷⁴ крупный перелом, связанный с появлением Махаяны. Как ни велики нововведения сутрической стороны Махаяны по отношению к Хинаяне, но гораздо легче сначала нащупать социальный смысл эзотерической, тантрической части учения Махаяны. Среди различных классов тантр, которые установлены были тантриками при систематизации своего учения, общепризнанно наибольшим значением обладает класс так называемых Анuttара-тантр⁷⁵, именно к нему и относится та характеристика тантризма, которую мы дали. О классификации этой мы скажем ниже, пока же достаточно будет отметить одно обстоятельство: согласно некоторым индубуддийским источникам (Vajra-sikhara-tantra)⁷⁶ оказывается, что именно система Анuttара-тантр с ее эротикой рассчитана была на низшую из четырех кастовых групп индийского общества — на шудр (Цигцэд-чойпшун,⁷⁷ с. 4а-б, 5а), и аналогичный взгляд высказывается и в браминском тантризме, а именно, что секретный эротический ритуал (так называемая «панчататтва») предназначен для шудр (Woodroffe, 326)⁷⁸. — Но что такое «шудры»? Согласно правильному разъяснению Кэткарпа (History of Caste in India, I, 1909, стр. 77), так назыв. 4 касты суть вовсе не касты («джати»), а группы каст («варна»), и обозначение этих двух понятий в европейских языках одним и тем же словом «каста» ведет к крупным недоразумениям. Каст никогда не было четыре; в настоящее время их более 400 и в древности было во всяком случае тоже много. В частности, слово «шудра» означает коллективно неопределенное количество низших каст; по словам Бэйнса⁷⁹, «два низших разряда [т.е. вайшьи и шудра]... вряд ли когда-нибудь имели иное, нежели литературное, существование и были, по-видимому, лишь удобным средством <л. 26> для отграничения масс от привилегированных классов» (ук. соч., с. 16)⁸⁰. Итак, вышеприведенное приурочение эротического тантризма к шудрам означает условно его приурочение к низшим слоям.

Но не означает ли такое приурочение просто желания как-нибудь оправдать необходимость признания эротики ссылкой на «безнравственность» масс? Такая цель, несомненно, подразумевалась в приведенных источниках; но надо бы выяснить — имеем ли мы здесь просто фикцию или тенденциозное объяснение реальных явлений?

⁷² Пураны — жанр священных индуистских текстов, содержащих мифологию, предписания праведного поведения и религиозных практик, регламенты ритуальной деятельности.

⁷³ См. примеч. 12.

⁷⁴ Пропуск в скобках — так в автографе М.И. Тубянского.

⁷⁵ Анuttара-тантры — класс тантр, выделенный в тибетской классификации индийских тантрических текстов.

⁷⁶ «Vajra-sikhara-tantra» — название одного из важраянских текстов.

⁷⁷ «Цигцэд-чойпшун» — в тексте: Цигцэд-чойнун = 'jigs byed chos 'byung («История распространения тантры Ваджрахайравы»); есть разные тексты по этой теме, например у Чжамьянг Шепы I: 'jigs byed kyi chos 'byung khams gsum las nam par rgyal ba.

⁷⁸ См. примеч. 40.

⁷⁹ Бэйнс — A. Bains; см. примеч. 71.

⁸⁰ См. примеч. 71.

Ответ мы найдем в тех исторических материалах об индубуддийском тантризме, которыми мы располагаем, а из них на первое место надо поставить имеющиеся многочисленные биографии тантриков, содержащие, несмотря на церковно-легендарную переработку, много ценного фактического материала. И вот, в этих биографиях мы постоянно встречаем учителей тантризма обоого пола из низших слоев: Анантаваджра — «святой свинопас»; Виласья-ваджра — шинкарка, Джаландари — из касты хадди (чистильщик улиц); Бадала — портной; Шридомби — пастух; Джнянамитра — из низшей касты; ученики волхва Мины — земледелец, садовник и разносчик; Горакша — пастух, и т.д. (Edelsteinmine, стр. 44, 51, 62, 70, 79, 85, 121, 122)⁸¹. Но такой персональный подбор можно бы считать за случайный, если бы тут не было своей закономерности, выражающейся еще и в совершенно других формах. Так, например, про учителя Луипаду из касты писцов рассказывается в его биографии, что он забрался в парк орисского царя и уселся на его троне; так как он был могучим волхвом, то его никакими усилиями не могли с этого трона согнать. Изумленный царь спрашивает наконец: «Кто ты?» Тот в ответ: «Кто ты?» Когда царь ответил: «Я — царь», тот ответил: «Я тоже царь». Сопоставим это с тем, что тантриста по имени Сараха царь отправил на костер за тантрическую практику (с. 47)⁸², и тенденция станет бесспорной.

<л. 27> Но и тантристы не оставались в долгу, их биографии содержат целый ряд подробностей, рисующих превосходство тантриков над их врагами. Так, учитель Дралолдари был по профессии метельщиком, и мать царя Гопичандры знала об этом. Когда однажды царь спросил у своей матери, не знает ли она средства против смерти, та ответила: «Наш метельщик знает его». Подобный ответ своей парадоксальной остротой показывает[вает],⁸³ что это было лозунгом, напоминающим тезисы Л. Толстого о том, что «правда жизни у простых людей» и т.п. Но ни Толстому, ни какому-либо другому «богоискателю» не пришло бы в голову дать такой совет, какой учитель Луипада дал свежеобращенным им в тантрическую веру царю и министру, а именно царю: «На юге, в Курукшетре, живет гетера такая-то, отправляйся и служи у нее». Царь послушно отправился и стал прислужником у гетеры, мывшим ноги ее посетителям. В качестве тантриста он получил впоследствии прозвище «Дарика»⁸⁴. Министру: «На востоке, в городе Пахванагара, живет шинкарка такая-то, отправляйся и служи у нее». Он получил прозвище «Данки»⁸⁵. Что могли значить такие советы? Только то, что Луипада знал этих женщин и держал связь с ними как с членами той же тайной секты; и что эти женщины играли роль учителей тантризма. Далее, гетера, подруга учителя Домби, стала также известной как йогини (женский род от йогин-йог) и как автор тантрических поэм (38)⁸⁶. Мало того, про самого Сараху рассказывается следующее: когда он в юности, будучи знатоком Веды, занят был преподаванием браминским юношам, «явилась ваджра-йогини (т.е. тантрическая «фея») в облике шинкарки и все снова и снова подносила учителю нектар святой мудрости в виде вина» (с. 10)⁸⁷. [Здесь заметим, что вино и в брахманском тантризме (Woodroffe,

⁸¹ См. примеч. 42.

⁸² Ссылка на сочинение Таранатхи, см. примеч. 42.

⁸³ Слово «показывает» дописано в квадратных скобках публикатором.

⁸⁴ «Девочка»; как обозначение занятия — лицо, прислуживающее в доме гетеры.

⁸⁵ «Подавальщик» — прислужник в питейном заведении.

⁸⁶ Так в автографе М.И. Тубянского.

⁸⁷ По-видимому, в скобках дается ссылка на сочинение Таранатхи; см. примеч. 42.

338)⁸⁸, и в суфизме значит «опьяняющее знание», здесь же оно есть реальное вино, способствующее, как и любовь, постижению мистического учения]. Эта загадочная наставница Сарахи, вероятно, сродни Диотиме, волшебнице из Мантиней, которую Сократ называл своей «учительницей в искусстве любви» («Пир» Платона, 201) и которой он приписывает излагаемую им теорию эроса. [Вообще, аналогичных <л. 28> и родственного социального происхождения явлений найдется немало в других культурах; в древней Греции тоже были свои «баядерки» — храмовые гетеры, и Пиндар сочинил им оду, что очень шокирует салонных филологов]⁸⁹. Теперь обратим внимание на то, что все профессии, названные в биографиях, суть не что иное, как различные низшие касты, и что гетеры, хотя вообще и не составляли касты, но что к их числу относятся такие низшие касты, как плясуны, храмовые служители и т.д., и тогда мы придем к тому, что приурочение тантризма к «шудрам» вполне обосновано.

<Конец текста М.И. Тубянского>

Литература

- Ольденбург, Щербатской, Тубянский 1927 — *Ольденбург С.Ф., Щербатской Ф.И., Тубянский М.И.* Институт буддийской культуры // Известия АН СССР. Серия 6. 1927. Т. 21. № 18. С. 1701–1704.
- Shaw 1994 — *Shaw M.* *Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism.* Princeton: Princeton University press, 1994.

References

- Ol'denburg S.F., Shcherbatskoi F.I., Tubianskii. "Institut buddiiskoi kul'tury" [Institute of the Buddhist Culture]. In: *Izviestii Akademii nauk SSSR. Seria 6* [Records of Academy of Sciences, USSR. Ser. 6], 1927, Issue 21 (in Russian).
- Shaw M. *Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism.* Princeton: Princeton University press, 1994 (in English).

Mikhail I. Tubiansky The Buddhist Tantric Tradition in India

Preface, Publication, Commentary by

Helena P. Ostrovskaya

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 4 (issue 31), pp. 61–78)

Received 29.07.2017.

Helena P. Ostrovskaya

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The work published here has been written by M.I. Tubyansky (1893–1937), a scholar of the Russian Academic School of Buddhist Studies, in 1937. It is a fragment of his unfinished research which was

⁸⁸ См. примеч. 42.

⁸⁹ Примечание в квадратных скобках дается М.И. Тубянским.

dedicated to the history of Buddhist tantric tradition. Its handwritten text is housed in M.I. Tubyansky's personal fund at the Archives of Orientalists of IOM, RAS. (F. 53. Inv. 1, Unit 34). In this work, the author, a specialist in the area of Sanskrit, Tibetan, Mongolian written heritage, considers philosophical and historico-cultural aspects of the Vajrayāna (the Buddhist tantric tradition in India). It represents great scientific interest as the first description of the Vajrayāna in the Russian language. The work hasn't been published before. The preface contains biographical data and an outline of the fruitful and versatile research of M.I. Tubyansky whose life was broken tragically in the years of repressions.

Key words: Archives, manuscript, M.I. Tubyansky, Buddhism, Vajrayāna, tantra, the Buddhist tantric tradition.

About the author:

Helena P. Ostrovskaia, Dr. Sci. (Philosophy), Chief Researcher, Head of the South Asian Section of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (ost-alex@yandex.ru).